

Александр
Галиновский

ЗАВОРАШ:

разделение ангелов

Москва

Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г15

В оформлении обложки использована
иллюстрация *Алексея Провоторова*

Серийное оформление и дизайн обложки:
Юлия Межова

Галиновский, Александр Владимирович.
Г15 Завораш: Разделение ангелов : [роман] / Александр
Галиновский. — Москва : Издательство АСТ, редакция
«Астрель-СПб», 2024. — 512 с. : ил. — (Дети Великого
Шторма).

ISBN 978-5-17-163170-3

Добро пожаловать в Завораш — город, где плетется паутина заговоров. Жестокие убийства здесь не редкость, а на улицах правит белый тлен — новая чума, от которой гибнут сотни горожан. В этом городе пересекаются судьбы нескольких героев: человека, находящегося в подчинении у загадочных алхимиков крови, священника, наемного убийцы, бездомного наркомана и смертельно опасного маньяка — хирургически модифицированного бывшего солдата, испытывающего непреодолимую тягу к убийствам. В безумном мире, где каждый сам за себя, герои вынуждены бороться со своими внутренними демонами.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-163170-3

© Александр Галиновский, текст, 2024
© Алексей Провоторов, обложка, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Пролог

Если бы Мельпомену довелось видеть настоящую цаплю, он знал бы, что выглядит если не в точности так же, то очень похоже. В очередной раз подняв ногу, он опустил конец длинной ходули в темную жижу, которая с хлюпаньем сомкнулась вокруг деревяшки.

С собой у него была фляга для сбора сока из тростника, который рос здесь повсюду, а также небольшой нож. С помощью ножа он рассекал стебель растения, после чего подносил к срезу горлышко фляги и дожидался, когда потечет сок. К рассвету Мельпомен рассчитывал насобирать достаточно, чтобы заполнить флягу хотя бы до половины. Однако дело продвигалось медленно — главным образом оттого, что водоросли в этой части болота были слишком густыми, поэтому время от времени ему приходилось останавливаться и высвобождать ходули из их цепкого плена. В один из таких моментов он поднял голову и увидел нечто странное.

До этого его глаза различали лишь поднимающиеся из воды стволы мешкодрев. Это были растения, похожие на огромные шары; питаясь болотным газом, они постепенно раздувались, пока не лопались с оглушительным треском, разбрасывая вокруг сотни спор. Одна половина такого дерева, состоящая из неукоренившихся отростков — жгутиков, находилась под водой. Иногда жгутики двигались, и на поверхности воды появлялась рябь, которую можно было принять за легкую поступь призраков.

Миражи на болотах были обычным делом. День и ночь от воды поднимался туман, в котором порой мерещились странные вещи. Мельпомен часто слышал доносящиеся со стороны топей голоса, хотя знал, что никому не удалось бы зайти так далеко. А однажды даже видел проплывающую мимо лодку и попытался заговорить с сидевшим в ней человеком. Однако стоило ему окликнуть того, как лодка и ее загадочный пассажир неожиданно исчезли.

Порой на болотах встречались отмели и даже целые островки, многие из которых исчезали так же внезапно, как появлялись. Наверняка это было как-то связано с тем, что время от времени земля рокотала и содрогалась. В такие дни ветер приносил запахи моря и шум волн, а вода в болоте становилась на ладонь или две выше либо, наоборот, отступала, оставляя грязь и копошащихся в ней рачков. Иногда на поверхности оказывались монеты и другие ценные вещи. Брать их казалось Мельпомену неправильным — все равно что воровать у мертвых.

Однажды он обнаружил целый скелет. Там, где кости не были покрыты грязью, они выглядели пожелтевшими и изъеденными влагой. Это был скелет рыбы — такой огромной, что в болоте не нашлось бы ей места. Особенно жуткое впечатление производила голова — туго обтянутая кожей клиновидная морда с двумя рядами зубов и без малейшего намека на глаза.

Ходули в очередной раз запустились в водорослях, и Мельпомен потратил несколько драгоценных минут, высвободившись из зеленого плена. Освободившись, он поднял голову, готовый идти дальше, но в этот момент увидел впереди нечто странное.

ПРОЛОГ

Он не удивился бы, окажись и теперешняя находка чьими-нибудь костями. Однако это было нечто совсем иное. То, что поначалу выглядело как фигура человека с раскинутыми в стороны руками, оказалось массой наплавляющих друг на друга ломаных линий. Они пересекались под всевозможными углами, будто прутья небрежно сплетенной корзинки.

Держа наготове нож, Мельпомен двинулся вперед. Он преодолел половину пути, прежде чем топи стали действительно непроходимыми. Под водой скользили тела неведомых тварей, и он ощущал, как их слепые морды тычутся в концы ходулей. В какой-то момент ему показалось, будто в темной жиже ворочается и перекачивается нечто большое.

Мельпомен остановился и прислушался. *Ни звука.*

И в следующее мгновение некая тень ринулась к нему из тумана. Он едва успел уклониться от острых когтей, нацеленных в лицо. Взмахнул ножом, но промахнулся; в ответ откуда-то сверху раздался полный негодования и злобы крик...

Молох — так называли этих тварей. Почти все они были падальщиками, охотниками за мертвой плотью, но это вовсе не значило, что крайняя нужда не способна заставить самых отчаянных из них напасть на живого человека.

Мельпомен выставил нож перед собой, и только это спасло ему жизнь. Тварь рухнула, напоровшись на всю длину клинка. Зубы клацнули у самого лица Мельпомена, крылья захлопали по его спине, однако он держал крепко, обхватив извивающееся тело свободной рукой.

Задние ноги падальщика были короткими, сильными и заканчивались пальцами с острыми когтями,

способными одинаково легко раздирать плоть и дробить кости. Сейчас они замелькали в опасной близости от груди Мельпомена. Один зацепился за ткань и разодрал ее, другой оставил на коже кровоточащую рану. Похожий на жгут розовый язык метнулся и ударил человека по лицу — раз, другой. Он почувствовал, как обожгло лоб, и понял, что молох целил в глаза. Из пасти падальщика дохнуло гнилью. Затем язык твари внезапно захлестнул Мельпомену шею, лишая возможности дышать.

Ему и раньше приходилось охотиться на молохов и даже пробовать их мясо, которое было жестким и на вкус напоминало болотную воду. Однако это было давно, до того как в лодках приплыли люди, которые предложили его отцу и другим мужчинам в деревне стать сборщиками сока. Одну флягу они обменивали на недельный запас еды, выпивку, табак, теплую одежду, иногда добавляя к этому пару точильных камней или связку свечей. Но главное — им с отцом больше не приходилось охотиться и делать запасы. Мельпомен не задумывался, что происходит с собранным соком после того, как загруженные флягами лодки растворяются в тумане, но в конце каждой недели терпеливо дожидался очереди, чтобы выменять полную флягу на ту, которую еще предстояло наполнить.

Одним движением Мельпомен вырвал нож из открытого шершавой кожей тела и отсек твари язык. Молох забился в агонии, его крылья поднялись и опустились. Раз, другой — с каждым разом все медленней.

Мельпомен ударил еще дважды — под левое крыло и туда, где, как он считал, находилось сердце.

Постепенно движения твари замедлились, и Мельпомен разжал хватку. Истекая черным ихором, молох

ПРОЛОГ

рухнул в воду. Мгновением позже его тело поглотила трясина.

Некоторое время Мельпомен наблюдал, как на поверхности воды всплывают и лопаются пузыри, а когда вновь посмотрел перед собой, увидел то, что не замечал вначале.

Когда он смотрел на *это* впервые, оно выглядело *иначе*. Теперь, подняв голову, Мельпомен обнаружил, что фигура изменила очертания. Линии пребывали в постоянном движении: сталкивались и расходились в стороны, искривлялись, растягивались или, наоборот, сжимались.

Бесформенный. Именно это слово пришло Мельпомену на ум.

Бесформенный, но не как вода или болотная грязь. Первую можно перелить в кувшин, а из второй этот кувшин изготовить. У этого же *нечто* вообще не было формы, и одновременно с этим оно могло принимать любой облик. Как если бы кувшин был способен вылепить себя самостоятельно, а затем, будучи наполненным, *сам* стать водою.

Движение ускорялось. Фантомы возникали и распались. В какой-то момент фигур было сразу две — новая начала формироваться еще до того, как предыдущая успела исчезнуть.

Фляга с соком была забыта, как и нападение молоха, как и предшествующие этому события — вплоть до момента, когда он впервые открыл глаза, лежа на циновке под звездным небом, а рядом кто-то пел колыбельную.

Повинуясь внезапному порыву, Мельпомен шагнул в сплетение линий. Они пересекли его тело, пройдя насквозь. Словно были нематериальными, как кольца

ЗАВОРАШ: Разделение ангелов

дыма или луч света... Мгновение он не ощущал ничего, кроме жжения в тех местах, где линии коснулись тела. На его коже проступили красные рубцы. Мельпомен успел подумать, что их рисунок здорово похож на следы от рыбацкой сети.

А затем его тело просто распалось. Рассыпалось, будто было сложено из детских кубиков.

Голова рухнула в воду и без единого звука погрузилась в пучину. Правая рука сползла вниз, словно плохо приклеенная деталь, левая упала вместе с частью туловища, которое оказалось рассеченным на несколько фрагментов. Одна из ходулей завалилась под тяжестью ноги, другая устояла. На ней все еще балансировала привязанная полосой грубой ткани ступня...

Вода вокруг стала багровой, затем красной, розовой, а спустя некоторое время вернула свой первоначальный цвет. Ни на секунду не прекращая вращения, линии вновь собрались в подобие человеческой фигуры. На протяжении одного или двух ударов сердца фантом висел под поверхностью воды, а затем растворился без следа.

ЧАСТЬ I

Я мечтал о смерти, и вот я умер. Я уже не ощущаю этого мира и еще не коснулся другого. Я медленно скрываюсь под морскими волнами, совсем не чувствуя ужаса удушья. Мысли мои ни с тем миром, который я оставил, ни с тем, к которому я приближаюсь. На самом деле это нельзя сравнить с мыслями. И на сон это не похоже. Это, скорее, рассеяние, диаспора: распустили узел, и сущность рассасывается. Да это и не сущность больше. Я стал дымком от дорогой сигары и как дымок растворяюсь в прозрачном воздухе, а то, что осталось от сигары, рассыпается прахом.

Генри Миллер. Сексус

Тело человека содержит в себе кровь, слизь и желчь, желтую и черную; из них состоит природа тела, и через них оно и болеет, и бывает здоровым. Бывает оно здоровым наиболее тогда, когда эти части соблюдают соразмерность во взаимном смешении в отношении силы и количества и когда они наилучше перемешаны. Болеет же тело тогда, когда какой-либо из этих частей будет или меньше, или больше, или она отделится в теле и не будет смешана со всеми остальными, ибо, когда какая-либо из них отделится и будет существовать сама по себе, то по необходимости не только то место, откуда она вышла, подвергается болезни, но также и то, куда она излилась, переполнившись, поражается болями и страданием. И если какая-нибудь из них вытекает из тела в количестве большем, чем требует переполнение, то опорожнение ее причиняет боль. А если, напротив, произойдет опорожнение, переход и отделение от прочих частей внутри тела, то, как выше сказано, она по необходимости возбуждает двойную болезнь — и в том месте, откуда вышла, и в том, где преизобилует.

Гиппократ. О природе человека

Что войны, что чума? — конец им виден скорый,
Им приговор почти произнесен.
Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречен?

Анна Ахматова

Смерть — похититель всего.

Глава 1

БАГРЯНЕЦ В НЕБЕ, БАГРЯНЕЦ НА ЗЕМЛЕ

А ведь она здорово похожа на глаз некоего бога или демона, глядящего на мир сверху.

Луна высоко в небе была красной. Багровым отличали тучи, медленно стягивающиеся вокруг нее, точно края разверстой раны; того же цвета были плескавшиеся о борт волны.

Плюх! Весло погрузилось в воду.

На минуту Энсадуму показалось, что сейчас оно поднимется, все красное, истекающее каплями крови, словно кусок мяса, но, разумеется, этого не произошло. Красный цвет неба всего лишь предвещал перемены в погоде.

В детстве маленький Энса часто смотрел на небо. Тогда луна казалась ему как будто ближе. С помощью подаренного отцом телескопа он даже смог разглядеть темные пятна на ее поверхности; он представлял, что видит города, квадратики возделанных полей и проложенную между ними сеть дорог. Еще некоторое время, после того как он узнал, что луна — это бесплодный камень, а телескоп стал ненужной игрушкой, он продолжал с тоской поглядывать вверх. Однако теперь Энсадум с удивлением обнаружил, что не делал этого уже много лет.

ГЛАВА 1. Багрянец в небе, багрянец на земле

Попутно он разглядывал лицо лодочника. Плоский нос и почти полное отсутствие ушей выдавало в нем шивана, но разве их материк не горел непрерывно уже без малого сотню лет? Наверное, это был один из тех шиван, что селились здесь до Разрушения.

Энсадум позволил мыслям течь медленно, прикрыл глаза и постарался расслабиться. Почти сразу перед его мысленным взором возникло лицо куратора. Чиновник открыл рот, чтобы заговорить, но тут его глаза расширились: Энсадум прервал контакт. И все же за мгновение до этого разгневанный куратор успел послать ему картины из собственного сознания: бесформенные тени корчились и рыдали, объятые языками пламени.

Энсадум дернулся всем телом, открыл глаза и сел, не обращая внимания на испуганный взгляд лодочника. Ему всегда было непросто выносить вторжение этих существ в свой разум.

— Говорят, вы можете читать мысли, — осторожно произнес лодочник. — Вы читали мои мысли, господин?

Интересно, о чем ты думал?

Однако Энсадум не стал отвечать. На самом деле даже кураторы не могли читать чужих мыслей, хотя и были способны пробираться в другую голову так же легко, как любовник, проскальзывающий под одеяло. Энсадуму это всегда казалось странным: все равно что слепцу явиться в библиотеку. Единственное, на что он способен, — это ощупать корешки книг.

Спустя некоторое время впереди показались стоящие на приколе у берега темные громады барж. Похоже, ими давно не пользовались, и суда успели стать частью окружающего ландшафта. К запаху реки здесь примешивался железистый привкус ржавчины.

Лодочник сплюнул в воду и сильнее налег на весла. Прежде чем стемнело, Энсадум наблюдал за проплывающим мимо берегом, подмечая все новые детали: деревню, все дома в которой стояли над водой на длинных сваях; древний мост, теперь почти разрушенный, но по-прежнему удивлявший сложностью архитектуры. Он жалел, что у него нет времени ненадолго задержаться и зарисовать в блокнот что-либо из увиденного. Блокнот, как и прочие вещи, необходимые в дороге, лежал в саквояже у его ног. Там же, в специальном отделении, хранились инструменты: стекло и сталь, иглы и колбы. Всякий раз, когда Энсадум касался потрепанной кожи, они тихо звякали, словно украдкой напоминая о цели его путешествия.

За бортом плескались волны: протяни руку и коснешься воды. Однако Энсадум не стал этого делать. Эта река, как и многие другие, подобные ей, была безжизненной. Теперь он вспомнил, что где-то читал, будто Разрушение началось именно отсюда. Заброшенные баржи, гниющие у берега не один десяток лет, были лишним тому подтверждением.

Он не впервые оказался в Пустошах, но, пожалуй, лишь теперь смог ощутить всю глубину тоски, окутавшей эту землю. Наверняка нечто подобное должен был испытывать и лодочник. Прежде чем превратиться в пылающую пустыню, родина шиван была цветущим краем.

Так что же случилось? Этого не знал никто.

Энсадум не мог вспомнить, когда в последний раз видел зеленую траву. Это же касалось и птиц в небе. Раньше, в ту пору, когда он не расставался с подозрительной трубой, он мог без остановки перечислять виды пернатых: сипуха, дятел, жаворонок, береговушка, скалистая

ГЛАВА 1. Багрянец в небе, багрянец на земле

ласточка и другие; теперь не мог вспомнить и одного-двух имен. И хотя в его блокноте сохранились рисунки большинства из них, он почти туда не заглядывал.

Баржи остались далеко позади. Над водой поползли клочья тумана, стало холодно. Лодочник плотнее запахнул ворот накидки; то же самое сделал Энсадум, спрятав подбородок в складки шарфа. Еще некоторое время он продолжал вглядываться в темноту, гадая, что может скрывать эта пустынная земля. Какие тайны прячутся за завесой тумана? Или здесь уже не осталось тайн? Так и не найдя ответов, он задремал.

Он так и не смог как следует отдохнуть. За те несколько часов беспокойного сна, что ему удалось выкроить, Энсадум просыпался дважды, и оба раза — из-за пронизывающего холода, от которого не спасали ни накинутое на плечи одеяло, ни теплая куртка под ним.

— Как называется эта земля?

Лодочник не ответил. Вместо этого он привалился к широкому камню у воды, достал из кармана плитку белой смолы, отломил кусочек и принялся разминать в пальцах.

Употребление кека было обычным делом среди городской бедноты. По рассказам, сок тростника для него собирали на юге, где-то глубоко в болотах. Затем его смешивали с паутиной местного жучка для придания вязкости, а полученную массу оставляли на открытом воздухе, пока она не затвердевала. Смола уже много лет находилась под запретом, однако от этого спрос на нее не становился меньше.

Некоторое время Энсадум разглядывал берег. Усеянная галькой прибрежная полоса переходила в песчаный

откос. На его вершине росла пара чахлах кустиков, ветви которых трепетали под порывами ветра. Незадолго до рассвета пошел снег, и теперь на земле тут и там лежали островки грязной кашицы.

До этой минуты Энсадум был уверен, что увидит нечто совсем иное: дорожку, ведущую по склону к самой воде, или деревянный пирс. Пока же все здесь мало отличалось от того, что попадалось ему на глаза прежде.

Но хуже всего была тишина. В городе он привык слышать десятки звуков — даже ночью или на рассвете: цокот копыт и грохот колес по мостовой, крики разносчиков, скрип отворяемой где-то двери, отголоски пьяных песен, доносящиеся через улицу или две. Здесь же не было других звуков, кроме монотонного скрипа весел в уключинах и плеска волн. Словно в целом мире не осталось ничего, кроме тумана, реки и их лодки. Странное ощущение не покинуло Энсадума даже после того, как отыскав под слоем тряпок фонарь, шиван запалил его, а затем подвесил на специальный штырь на носу лодки. Теперь за стеклом трепетал крохотный язычок пламени, которого едва хватило бы, чтобы согреть окоченевшие пальцы.

Чиркнула спичка, и из полумрака выступила закутанная в мокрый плащ фигура. Энсадум поклялся бы, что мгновением раньше на берегу никого не было.

Незнакомец сделал знак следовать за ним и, не говоря ни слова, принялся взбираться по склону.

Энсадум вернулся к лодке, чтобы взять саквояж. Мгновение размышляя, стоит ли захватить фонарь, однако рассудил, что тот будет только мешать. Промокшее одеяло тоже пришлось оставить.

Взобравшись на вершину склона, он огляделся. Рваные клочья тумана разметались низко, подобно знаменам

ГЛАВА 1. Багрянец в небе, багрянец на земле

поверженной армии; лежавшие повсюду валуны и камни поменьше казались остатками пожарища, а пепельно-серый цвет земли и неба только усиливал это впечатление. И по-прежнему ни следа дорожки или жилища.

Огонек фонаря был в двадцати шагах впереди и продолжал удаляться. Энсадуму не оставалось ничего, кроме как двинуться следом.

Они шли настолько долго, что ему начало казаться: вот-вот, и появятся цепи мира, которыми земная твердь крепится к своду небес.

Впереди и в самом деле проступили некие тени. Они росли и удлинялись, будто разлитые по бумаге чернила, пока не превратились в нечто, что казалось ребрами гигантской грудной клетки.словно кто-то выгнул их изнутри, отчего они встали почти вертикально.

Однажды он уже видел такие большие кости. Их привозили торговцы с юга, а те покупали у странников, находивших в пустыне целые города, обитатели которых по-прежнему не покидали своих жилищ: все, что от них осталось, — это занесенные песком гигантские скелеты.

Однако это оказались вовсе не чьи-то останки. Приблизившись, Энсадум увидел развалины корабля. Поперечные балки — шпангоуты — поднимались на высоту роста двух взрослых мужчин. У основания они крепились к продольному брусу киля, словно настоящие ребра — к позвоночнику. Ему пришло в голову, что он смотрит на остатки древнего пиршества, будто насыщалась сама природа: ветер и колючий снег обглодали дерево, а сырость и туман довершили начатое. Оставалось загадкой, каким образом судно подобного размера оказалось вдали от большой воды, да еще на таком